

Молот исцеления, половина разбитого зеркала и почтовый журавлик лежали прямо перед Сян Цзя. Чуть левее громоздились отвертка, канцелярская резинка и складной нож, а электрическую зубную щетку он брезгливо зашвырнул подальше, в грудку щебня. Сян Цзя не был патологическим чистюлей, но описание предмета — «кажется, густо покрыта слюной неизвестного человека» — вывело бы из себя кого угодно.

И зачем только пихать подобную гадость в сундуки? Неужели у монстра, который тащится от подобных вещей, начисто отсутствуют мозги?

Впрочем, Сян Цзя наконец уяснил главное: сундук не зря именовался сокровищницей. Некоторые находки из него действительно являлись игровыми предметами — полноценными артефактами с уникальными свойствами, прямо как в настоящих играх!

Молот исцеления оказался настоящей находкой: стоило легонько стукнуть себя им, как усталость как рукой сняло. Мышцы налились силой, а гудящие ноги, которые еще пару минут назад хотелось просто отрубить, вернулись в норму. Бумажный журавлик позволял в течение десяти минут связаться с любым игроком, чье имя тебе известно.

[Почтовый журавлик: «Не переживай, твои чувства обязательно достигнут его». — Так говорит Двуглазый призрачный мотылек]

«Какие, к черту, чувства!» — мысленно выругался Сян Цзя.

Что же касается половинки разбитого зеркала, которую никто не захотел брать...

[Инструмент, созданный людьми, чтобы созерцать собственное отражение. Владыка Медуза питает особую слабость к человеческим тщеславным безделушкам, а потому наделила это зеркало способностью видеть сокровище. Доступно использований: 0/2]

«И почему никто его не выбрал?» — подумал Сян Цзя, довольно потирая руки. Люди, видимо, до сих пор мерили новый мир старыми мерками. Что ж, тем лучше для него.

Отвертка, резинка и складной нож не обладали какими-то мистическими свойствами — монстры засунули их в сундук просто потому, что те им приглянулись. И все же в хозяйстве они могли пригодиться, так что Сян Цзя забрал и их.

Закончив ревизию, Сян Цзя, полностью восстановивший силы после оздоровительного удара молотом, поднялся на ноги. Он заткнул рукоять за пояс, журавлика и зеркало припрятал во внутренний карман рубашки, а леденцы и сок рассовал по карманам брюк. Туда же отправились раскрошенная пачка лапши быстрого приготовления, отвертка и резинка. В руке он сжал верный складной нож.

На плече преданно сидел его маленький спутник — Сян Чжэнь. Теперь Сян Цзя чувствовал

себя полностью укомплектованным и готовым к любым неожиданностям. Имея под рукой бесконечное исцеление, бояться было решительно нечего. Молот в руки — и вперед!

— Чжэнь-чжэнь, с тобой моя жизнь наконец-то в безопасности, — с облегчением выдохнул Сян Цзя. — И как хорошо, что у того монстра вместо мозгов опилки. Вокруг полно камней — бери не хочу, а он давай себя калечить. Встретиться нам нормальный каменный голем, который не склонен к мазохизму, нам бы несдобровать. Пришлось бы уносить ноги, ха-ха-ха!

Маленькое желе захлопало своими крохотными глазками и, вытянув полупрозрачную лапку, ласково взъерошило волосы хозяина.

Как известно, вслух загадывать наперед нельзя. Особенно в мире, где на каждом шагу тебя подстерегают кровожадные твари.

Когда Сян Цзя, задыхаясь от безумного бега, спасался от золотоглазого каменного голема, он готов был собственными руками зашить себе рот.

Шел четвертый день его пребывания в Лабиринте монстров. Тусклый свет свечей едва разгонял мрак бесконечного каменного коридора.

Сян Цзя мчался во весь опор, хватая ртом воздух — легкие горели синим пламенем, а сердце колотилось в горле. Сян Чжэнь мертвой хваткой вцепился лапками в его рубашку. Время от времени железная сфера выпускала тонкие отростки, сплетая их в подобие защитной сети, чтобы отбивать летящие в спину булыжники.

Оглядываться назад Сян Цзя не смел. Он бежал, изо всех сил прижимая к себе распиханные по карманам сокровища — выбросить хотя бы одну вещь не поднималась рука. Для его хлипкого, худого как щепка тела этот забег на выживание стал настоящим испытанием.

Да откуда вообще в этом чертовом лабиринте взялись ловушечные монстры?!

Стоило ему повернуть за угол и сделать пару шагов, как прямо с потолка с оглушительным грохотом рухнула каменная туша. Что за дьявольские правила спавна?!

Несчастному парню оставалось только спастись бегством. Мало того, этот золотоглазый гад оказался на редкость сообразительным: он не собирался ломать собственное тело, а просто выковыривал камни прямо из стен и швырял их вслед беглецу!

Даже абсолютная защита Сян Чжэня не могла долго сдерживать такой град снарядов. Приходилось бежать без оглядки.

Спустя полчаса изнурительного кросса Сян Цзя, балансируя на грани обморока, наконец завидел спасительный поворот.

За время охоты на сундуки он успел досконально изучить повадки этих тварей. Территория каждого каменного голема ограничивалась лишь одной конкретной галереей. Любые развилки, перекрестки или залы были для них запретной зоной, за которую они не могли заступить.

Запретная зона для монстра — безопасная зона для Сян Цзя!

Сян Цзя припустил еще быстрее. Лихо заложив крутой вираж на повороте, он резко затормозил... и уперся взглядом в глухую каменную стену.

В самом тупике, укрывшись в тени под тусклой свечой, сидел высокий мужчина. На появление Сян Цзя он едва приподнял голову, уставившись на него пустым, выцветшим от отчаяния взглядом.

Сян Цзя уперся ладонями в стену, гася инерцию бега. В голове пронесся ураган отборного мата.

Золотоглазый голем, осознав, что добыча ускользнула за невидимый барьер, разочарованно заворчал и тяжело зашагал обратно на свой пост. В тупике воцарилась звенящая тишина. Сян Цзя и незнакомец молча уставились друг на друга. Спустя минуту Сян Цзя выдавил из себя вымученную, бледную улыбку и хрипло произнес:

— Сюэ Цяо? Какая встреча... Тебя тоже сюда каменный мешок загнал?

Сюэ Цяо был тем самым парнем, который при первой же встрече с монстром испуганно дал стрекача и бесследно исчез. Он обладал приятной, интеллигентной внешностью — в его мягких чертах не было той колкой, опасной пронизательности, которая исходила от Чжао Мина в золотых очках. Чистый, абсолютно безобидный вид.

Сейчас Сюэ Цяо смотрел на него остекленевшим взглядом. Щеки ввалились, под глазами залегли глубокие синяки. Казалось, перед Сян Цзя сидит лишь безжизненная оболочка, из которой давно выветрилась душа.

Сян Цзя шумно вздохнул и решил пока не донимать беднягу расспросами. Его внимание привлекли питомцы: Сян Чжэнь и маленькое Древо жизни Сюэ Цяо уже вовсю разглядывали друг друга.

— Чжэнь-чжэнь, спроси у этого древесного малыша, как давно они тут заперты, — шепнул Сян Цзя, погладив питомца.

Маленькое желе послушно заколыхалось и вытянуло вперед две прозрачные лапки, показывая

два пальца.

За прошедшие дни Сян Цзя научился понимать бессловесного друга с полувзгляда.

— Два дня... Значит, у него во рту маковой росинки не было сорок восемь часов.

Цыкнув на расшалившегося Сян Чжэня, который уже вовсю пытался ущипнуть крошечные зеленые листочки Древа жизни, Сян Цзя полез в карман. Он достал небольшую коробочку молока и осторожно опустил ее на землю перед мужчиной. Остекленевшие глаза Сюэ Цяо медленно проследили за движением руки и замерли, уставившись на картонный пакет.

Здоровый парень под метр восемьдесят ростом сжался в комок, выглядя настолько жалко и потерянно, что у Сян Цзя защемило сердце.

— Пей, — мягко сказал он, вытащив из кармана пару леденцов и бросив их рядом. Затем он сделал пару шагов назад, чтобы не смущать беднягу.

Стоило Сян Цзя отступить, как Сюэ Цяо словно очнулся от глубокого оцепенения.

Подобно испуганному дикому зверьку, он нерешительно протянул дрожащие руки к молоку. Пытаясь отлепить приклеенную к коробке трубочку, Сюэ Цяо то и дело бросал на спасителя затравленные взгляды. В его глазах вспыхнул робкий огонек надежды, но пальцы дрожали так сильно, что целлофановая обертка никак не поддавалась.

Заметив, как во взгляде Сюэ Цяо вновь сгущается отчаяние, Сян Цзя шагнул обратно. Он мягко забрал коробочку, ловким движением сорвал пленку, вонзил трубочку в фольгу и вложил пакет обратно в трясущиеся ладони мужчины. Сам же уселся чуть поодаль и принялся неторопливо разворачивать конфету.

Тот замер, даже не пытаясь сопротивляться, когда у него забирали еду. Лишь когда теплое молоко снова оказалось в руках, он с минуту тупо смотрел на него, а затем трясущимися губами обхватил пластиковую соломинку.

«Надо же, доведен до такого состояния, а в нем ни капли агрессии. Поистине безобидный человек», — подумал Сян Цзя.

Маленькое Древо жизни подобралось поближе к своему хозяину, ласково поглаживая его локоть шелковистой ветвью. Но Сюэ Цяо уже ничего не замечал вокруг. Он жадно, давясь и всхлипывая, глотал спасительную влагу. Буквально за пару десятков секунд коробка опустела.

Сюэ Цяо и представить не мог, что обычное молоко может подарить такое острое чувство возвращения к жизни.

Даже когда трубочка сипло заклокотала, возвещая о том, что внутри ничего не осталось, он не сдался. Дрожащими руками парень разорвал картонный пакет и, тихонько всхлипывая, принялся слизывать оставшиеся на стенках капли.

Сян Цзя деликатно отвел взгляд в сторону и протянул ему две очищенные конфеты. Спустя мгновение чужие пальцы робко коснулись его ладони — они были влажными от слез.

Сян Цзя молчал. Утешать людей он никогда не умел, а в такой обстановке и вовсе не находил нужных слов. Чтобы ответить, он перевел взгляд на питомца Сюэ Цяо.

Древо жизни походило на крошечный, аккуратно срезанный пенек, увенчанный парой молодых побегов со свежими изумрудными листиками. Сейчас оно изо всех сил тянулось вверх, пытаясь утешить плачущего хозяина.

Увы, из-за крошечного роста дотянуться выше локтя малыш просто не мог.

Понаблюдав за ними, Сян Цзя осторожно потыкал пальцем Сян Чжэня и заговорщически подмигнул ему, указывая на Древо жизни. Маленькое желе лишь невинно захлопало глазками, даже не шелохнувшись.

Сян Цзя мысленно застонал от такой недогадливости и беззвучно, одними губами, зашептал:

«Иди! Налаживай контакты! Нам нужно сотрудничать!»

Не оставаться же им в этом тупике навечно. Запасы провизии не бесконечны, а в одиночку прорваться мимо золотоглазого голема — задача невыполнимая. Только объединив усилия, они смогут выкарабкаться.

Именно эта прагматичная мысль и подтолкнула его прийти на выручку. В конце концов, Сюэ Цяо был хозяином Древа жизни.

Пусть древесный малыш выглядел скромно, но если уж его собственное желе обладало феноменальной защитой, то и у этого питомца наверняка имелся какой-нибудь козырь в рукаве.

Расчет был верным, вот только Сян Чжэнь то ли действительно не понимал намеков, то ли искусно притворялся дурачком. На все отчаянные знаки хозяина он отреагировал оригинально — просто вытянул лапку и мягко прижал ее к дергающемуся веку Сян Цзя.

Сян Цзя с досадой убрал липкую, похожую на тягучую карамель лапку от своего лица. Делать нечего. Глубоко вздохнув и переборов природную интроверсию, заядлый затворник решил взять инициативу в свои руки.

— Привет, Сюэ Цяо. Я Сян Цзя, — сухо вато представился он. Впрочем, даже такого простого приветствия оказалось достаточно.

Просидев двое суток в кромешной тьме и безмолвии, на грани полного отчаяния, Сюэ Цяо воспринял появление живого человека как чудо. А уж полученное угощение окончательно растопило его сердце. Вытирая набежавшие слезы, он торопливо закивал:

— Привет, привет! Спасибо тебе огромное... Спасибо за еду! Ты... ты просто святой человек!

Сян Цзя неловко кашлянул. «Что ж, спасибо за статус добряка», — подумал он с легким уколom совести. В карманах у него еще оставалось две пачки лапши, галеты и пара шоколадных батончиков, но делиться всем сразу он поостерегся. Кто знает, как поведет себя голодный человек, если увидит гору припасов? Мало ли, набросится и отберет все силой.

С его-то физической формой — высоким, но худым как тростинка телом, которое сломается от первого же серьезного толчка, — рассчитывать на победу в драке с крепким мужчиной не приходилось. Осторожность лишней не бывает.

Отбросив лишние мысли, он перешел к делу:

— Слушай, мы сейчас в глухом тупике. Если не хотим умереть тут с голоду, нам придется дать бой тому золотоглазому голему. Что скажешь?

Сюэ Цяо согласно закивал головой, глядя на Сян Цзя как на единственного спасителя:

— Да, да! Ты абсолютно прав! Я сделаю все, что скажешь! Только веди меня, я буду беспрекословно слушаться, обещаю!

Сян Цзя поперхнулся от такого избытка чувств и молча отвернулся. Слишком уж тяжелой была ноша чужих надежд, и нести ее на своих хрупких плечах ему совсем не хотелось.

<http://bllate.org/book/19402/1951552>